

УДК 94 (47).084.8

БОРЬБА С САБОТАЖЕМ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

© 2017 г.

М.А. Демидов

Общество изучения истории отечественных спецслужб, Москва

demidov71@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.04.2017

Рассматриваются исторические истоки возникновения термина «саботаж», условия его появления и применения в работе советской правоохранительной системы на примере органов государственной безопасности. Проанализированы особенности борьбы с саботажем в период Великой Отечественной войны, показано влияние этой борьбы на повышение производительности труда в сфере промышленного производства и обеспечения безопасности государства. На основе синхронного и ретроспективного методов исследуется уголовное законодательство и правоприменительная практика органов госбезопасности СССР в условиях войны. Автор, изучая нормы о саботаже, приходит к выводу о том, что государственная система в условиях кризиса обоснованно усиливает защиту объектов экономики и систем управления ими. Также рассмотрены критерии квалификации противоправных действий в сфере экономики как контрреволюционного саботажа. Одновременно сделана попытка выявить взаимосвязь особенностей уголовного законодательства и теории в СССР с реабилитационными решениями в рамках действующего правового поля.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, саботаж, государственное управление, экономический кризис, контрреволюционные преступления, органы государственной безопасности.

В период Великой Отечественной войны действовала следующая редакция статьи 58-14 УК РСФСР «саботаж»: *«Контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою – лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо тяжких обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела с конфискацией имущества».*

Термин «саботаж» происходит от французского *sabot* – деревянный башмак. В период промышленного переворота XVIII–XIX вв. ткачи и мельники своей деревянной обувью стопорили новые машины фабрик, обесценивающих их труд, имитируя случайный характер попадания постороннего предмета в механизм. В дальнейшем данный термин стал применяться для краткого обозначения умышленной парализации какой-либо системы, путем ненадлежащего исполнения обязанностей, игнорирования императивных указаний не только в производстве, но и в иных сферах, будь то управление государством, финансами либо наукой, образованием и развитием культуры. Саботаж выступает

как средство остановки, затруднения процесса, но не прямого уничтожения его механизма, это скрытое оружие неявного противника, находящегося внутри какой-либо структуры, имеющего в ней определенный функционал, понимающего, что он своим действием (или бездействием) скрытно наносит вред и уходит от ответственности, при этом сохраняя свой статус.

В России образование 7 (20) декабря 1917 года Всероссийской чрезвычайной комиссии при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем¹ стало экстренной реакцией на призыв антибольшевистских сил к масштабной забастовке государственных служащих. Саботаж был воспринят как посягательство на самую сущность и ценность того времени – революционные преобразования общественных отношений и прав на средства производства. Однако меры борьбы с ним были определены достаточно специфично для того времени: *«конфискация, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.»*. В 1927 году саботаж вошел в УК РСФСР в качестве уголовно наказуемого деяния. Но наиболее жестко вопрос борьбы с саботажем встал именно в 1941 году – война и общая беда как лакмусовая бумажка выявляет людей до предела: социально-позитивного и сильного кристаллизует, а негодяя (пусть и с сильным характером) или че-

ловека со слабиной вынуждает открывать свою сущность, т.к. он уже теряет возможность или желание далее играть положительную либо нейтральную социальную роль (сбрасывает неудобную маску). Как при перенагрузке на иммунитет вылезают все болячки, так и при возрастании давления на любую систему проявляются ненадежные или антагонистичные элементы, обостряются и проявляются внутренние конфликты.

Такой предельной нагрузкой характеризует-ся обстановка в СССР с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г. – самый тяжелый в военном, организационном, материальном и моральном планах период Великой Отечественной войны. Так, несмотря на штучность саботажных проявлений в масштабах страны, связанную с предыдущей корректировкой² общественного отношения к подобным поступкам, наряду с героическим массовым трудовым подъемом³ фиксируется увеличение правонарушений – актов членовредительства, квалифицированных по ст. 58-14 УК РСФСР как саботаж. Возрастает число противоправных деяний, увязанных правоприменителями с угрозой срыва либо фактическим невыполнением заданий ГКО и СНК по материальному обеспечению Красной Армии и флота, а также по восстановлению, укреплению и развитию военно-экономического потенциала СССР в военный период, на обеспечение которых были нацелены органы государственной безопасности⁴.

В целом, за 4 года войны территориальными органами госбезопасности было арестовано 4789 человек за саботаж в промышленном и сельскохозяйственном производстве [2, с. 37]. Пик подобных фактов приходится на первый этап войны. Для оценки масштаба данного показателя необходимо обозначить динамику изменения численности рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве СССР (без учета сельскохозяйственного сектора): с 18,4 млн человек в 1942 г. до 27,3 млн в 1945 г., в том числе в промышленности: с 7,2 млн в 1942 г. до 9,5 млн в 1945 г.⁵ Таким образом, количество арестов за саботаж дает тысячные доли процента от общего числа граждан, для которых слова «Все для фронта, все для Победы!» стали не лозунгом, а смыслом труда и жизни военного времени.

Важно акцентировать внимание на том, что указанные 4789 саботажников – это именно лица арестованные, т.е. подвергшиеся мере пресечения. Но арестованный не значит обвиняемый, обвиняемый не значит осужденный, а осужденный не значит расстрелянный (минимальная санкция за саботаж 1 год лишения свободы). При этом такие «комариные» проценты пресеченного саботажа дали положительный морально-психологический [1, с. 4] и материальный

эффект. Наличие и неотвратимость ответственности, как результат действенного государственного реагирования и контроля, стимулировали поиск путей решения задач в сфере ВПК, выявление скрытых резервов, давали эффект прививки от разлагающих проявлений эгоизма или трусости, пресекали возможное их лавинообразное распространение в критический, первоначальный период военного времени, одновременно укрепляя в моральном плане социально ответственных граждан. Все это, в совокупности с иными мероприятиями, способствовало скорейшему переходу страны в режим военной экономики, увеличению выпуска продукции (на отдельных предприятиях до 700% по сравнению с мирным временем).

В условиях очевидной тяжести негативных последствий, их смертельной неизбежности и неустранимости, «неосторожность», как форма вины (например, при «халатности»), уступила место констатации наличия умысла и направленности действий правонарушителя именно на «ослабление власти», создание преград «*деятельности государственного аппарата*», что было основано на законодательно закрепленной дефиниции «*контрреволюционности*» (ст. 58-1 УК РСФСР⁶) как направленность действий на ущерб «*завоеваниям пролетарской революции*», которыми, в том числе, является рабоче-крестьянская власть. Это влекло, в свою очередь, требуемое ужесточение санкций как «*средство самозащиты общества против нарушения условий его существования*».

Кратко характеристику «саботажа» можно обозначить так: состав – формальный, для оконченности преступления наступление ущерба не обязательно. Достаточно установления факта сознательного неисполнения или «*умышленно небрежного*» (сознательно плохого) исполнения кем-либо определенных обязанностей. При этом эти обязанности должны быть именно определены, т.е. регламентированы и возложены на лицо (быть ему понятны, приняты им). Как правило, преступление совершалось путем бездействия. Объект – общественные отношения в сфере обеспечения внешней безопасности государства, функционирования системы органов государственной власти, основанной на защищенности «*основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции*». Сфера совершения как материальная – производство, например, так и идеальная – искусство, наука и т.п. Субъект – лицо, достигшее 14 лет (по указу Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г.), на которое возложены «*определенные*» обязанности. Субъективная сторона – прямой

умысел. Обязательное наличие специальной цели – «ослабление власти правительства и деятельности государственного аппарата» было подчеркнуто Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 31 декабря 1938 г., но при этом отсутствовала конкретизация понятия «ослабление», легитимизирующего обвинительную позицию правоприменителя по принципу «кто не с нами, тот против нас», обусловленную достаточно широкой трактовкой этого термина, в предельном смысле: всё то, что не укрепляет, то – ослабляет. Санкция: вариативная вилка для правоприменителя максимально раздвинута. Несмотря на значимость охраняемых общественных отношений, нижний предел санкции минимален (1 год). От вредительства саботаж предписывалось отличать тем, что при вредительстве лицо действует активно, используя государственное учреждение или предприятие, а при саботаже характерно бездействие. От халатности (ст. 111 УК РСФСР) саботаж отличался контрреволюционной направленностью поступка должностного лица. Формулу определения такой направленности упрощал хронотоп тотальной войны – хрупкое балансирование сил на грани исчерпания возможностей, когда любая мелочь может превратиться в решающий аргумент. Это с рельефной очевидностью проявляло неизбежность появления, создания условий для следующей связки событий: умышлено невыполненный объем работ – срыв заданий ГКО и необеспеченность войск («ослабление власти правительства и деятельности государственного аппарата») – угроза провала на фронте («ослабление внешней безопасности») – поражение в войне – уничтожение населения СССР и «социальных завоеваний революции».

Такая обстановка в годы Великой Отечественной войны существенно повлияла на толкование и применение судами норм УК мирного времени, а также на правоприменительную деятельность в целом. Это можно проиллюстрировать определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 октября 1942 года в отношении Чванина, который систематически изготавливал фиктивные справки о состоянии здоровья как для себя, так и для других работников предприятия угольной промышленности, имеющей особо важное значение в условиях военного времени, где вопросы укрепления трудовой дисциплины и повышения производительности труда играли первостепенную роль, а всякий ущерб был особенно ощутим. «На фоне трудового энтузиазма, вызванного широким патриотическим подъёмом основной массы рабочих, – говорилось в указанном определении судебной коллегии по уголов-

ным делам ВС СССР, – действия Чванина, влекущие дезорганизацию производства и оказывающие отрицательное моральное влияние на неустойчивые элементы, не могут быть расценены иначе, как подрыв производства». Конечная инстанция усмотрела наличие обязательного элемента состава преступления ст. 58-14 УК РСФСР – контрреволюционного умысла, зафиксировав, что осужденный, хорошо сознавая преступность своих действий и неизбежность ущерба, причиняемого им системе госуправления в сфере конкретной отрасли, имел прямой умысел и «специальную» цель. В данном случае ВС СССР оставил в силе первоначальный приговор областного суда по «саботажу», отменив решение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РСФСР, пересматривавшей дело Чванина и изменившей первоначальную квалификацию на общеуголовную (ч. 1 ст. 72 УК РСФСР⁷) на том основании, что подсудимый не имел цели подрыва производства, а документы подделывал исключительно для освобождения от работы. То есть этим «оправдательным» толкованием действия Чванина отсекались от очевидной для исполнителя направленности его поступка на срыв общего производственного плана, иные отрицательные резонансы, неизбежные с учетом физической невозможности перекладывания невыполненных объемов работ на коллег, имеющих и без того предельную загрузку. Фактически, ВС РСФСР Чванину была дана оценка как лицу неспособному осознавать эту зависимость и неизбежность, что противоречило состоянию его умственных способностей, уровню профессиональных знаний и опыту, характеру обстановки совершения преступления и т.д. Такая позиция суда расценивалась бы правонарушителями как проявление инфантильной слабости государства и, утвердившись, дала бы «зеленый свет» подобному поведению. Поэтому вышестоящий ВС СССР, перекавалифицируя действия Чванина снова на «саботаж», подчеркнул недопустимость такого доверчивого отношения правоприменителя к подобным преступлениям.

Вместе с тем действия, имеющие признаки «умышленно ненадлежащего выполнения» обязанностей, но обусловленные либо уже сложившейся общей порочной практикой на конкретном производстве, либо действиями вышестоящих должностных лиц, чьи негативные указания носили императивный характер, не подлежали квалификации как саботаж именно по причине отсутствия контрреволюционного умысла⁸. Одновременно ОГБ оказались и в роли последнего барьера по противодействию такой крайности, как самодурство, либо неудержимое

персональное желание «быть на коне» некоторых руководителей производства, решения которых порой доводили рабочих до физического истощения – вели к параличу важных участков ВПК. Иллюстрацией этому могут служить материалы УНКВД по Куйбышевской области от 24 апреля 1943 года «О самовольном удлинении рабочего дня на заводе № 18 НКПА» [5, с. 232].

Характерно, что именно на управленческом уровне аресты и предание должностных лиц суду за саботаж имели наибольший профилактический эффект, способствовали решению экономических задач, обеспечению безопасности производства и укреплению «вертикали власти». Показательным в этом отношении является выступление на VII пленуме Саратовского обкома ВКП(б) 29 января 1942 года начальника местного УНКВД Викторова, который доложил о выявлении, пресечении и ликвидации негативных последствий невыполнения решения Наркомата химической промышленности о монтаже завода «Литер С» после его эвакуации. Угроза срыва запуска производства была вызвана умышленным бездействием главного инженера и ряда других руководителей завода, не желавших приступать к выполнению своих обязанностей по организации выполнения правительственного приказа по общегосударственным плановым мероприятиям по эвакуации промышленности. Такая позиция была основана на их личном мнении о неизбежном приближении немцев и последующей необходимости дальнейшего отступления. При этом данная группа с предприятием находилась в совершенно безопасном, глубоком тылу, за 700 км от фронта – в Саратове. Нагнетаемые руководством завода паникёрские настроения сказывались отрицательно: вместо мобилизации рабочих на восстановление и пуск промышленного объекта, эти начальники разложили коллектив и заблокировали цепочку производства военной продукции, ссылаясь на всевозможные «объективные» причины. После вынужденного (по заявлению начальника УНКВД Викторова) ареста таких саморощенных военных аналитиков, игнорирующих решения правительства, и осуждения их по ст. 58-14 УК РСФСР «завод очень быстро восстановили и пустили». Вместе с тем важным условием, способствовавшим данному преступлению, Викторов назвал отсутствие должного контроля и требовательности к хозяйственникам со стороны партийных организаций, партийного руководства, и в первую очередь секретарей обкома и горкома ВКП(б) [5, с. 227].

Следует отметить, что вина, как психологическое отношение субъекта к своим действиям, является наиболее труднодоказуемым элемен-

том. Необходимо найти и зафиксировать проявление вовне внутреннего состояния субъекта. При оценке психологического позиционирования индивида отдельное значение приобретает сбор и учет в рамках уголовного дела характеризующих данных, изучение биографии, увлечений и других особенностей личности. Поэтому при определении внутренней мотивации субъекта легче утверждалось мнение правоприменителей о наличии прямого умысла и «специальной цели» в действиях неоднократно ранее судимого лица, или привлекавшегося за «политические» преступления, или тем или иным образом пострадавшего от советской власти, имеющего «счеты» с ней. При этом нельзя не согласиться с утверждением, что нравственная деформация индивида не внезапна. Ей предшествует накопление противоречий, достигающих состояния конфликта, и тогда происходит качественный скачок. Например, последовательный «стахановец», трудяга, в тяжелых условиях не вдруг станет членовредителем из-за нежелания работать. Должен быть внутренний конфликт, обуславливающий психологическую причину правонарушения, появляющуюся «как результат взаимодействия двух встречных движений: изнутри человека к миру и от мира внутрь личности» [6, с. 157]. И такая причина у каждого своя – от враждебного отношения к обществу до тупого эгоизма по принципу «свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁹. Итог внутреннего конфликта, в свою очередь, соотносим с целью поступка.

Как правило, доказанность прямого умысла на сами действия (членовредительство, побег, неисполнение обязанностей, имитация «проблемных моментов» и т.п.) не вызвала сомнений и не опровергалась преступниками в ходе следствия и суда. При этом выводы о наличии специальной цели основывались на фактической неоспоримости и неизбежности наступления негативного результата, к которому направлены действия (ст. 58-1 УК РСФСР) – «ослабление» власти и госуправления, при наличии условий, исключающих сомнения в осознании лицом указанных критериев. Обоснованность вывода о предвидении лицом неизбежности наступления определенных общественно опасных последствий, традиционно трактовавшаяся в следственной и судебной практике как свидетельство желания их наступления, позволяла дать заключение о наличии прямого умысла на достижение вполне конкретного результата [7, с. 4–5]. Такое, проявленное вовне, психологическое отношение в совокупности с личностными параметрами осужденного, обстоятельствами времени, места, способа, обстановки испол-

нения возложенных обязанностей, считалось достаточным для квалификации действий как контрреволюционного саботажа. При этом следует учесть, что в рамках того правового поля, по УК РСФСР 1926 г., в дефиниции косвенного умысла не предусматривалась такая форма, как «безразличное отношение» к последствиям. Законодательное и теоретическое непризнание самой возможности нейтрального психологического состояния лица по отношению к общественно опасному результату своего поведения играло важную роль в практическом разграничении прямого и косвенного умысла¹⁰. Одновременно данное обстоятельство сужало вариативность ухода от уголовной ответственности за совершение преступления с формальным составом, например путем «оправдательной» трактовки доказательств либо корректировки своих показаний в части субъективного отношения к характеру поступка.

Думается, что в тяжелых условиях военного периода такая убежденность в степени очевидности и достаточности ряда критериев, сложившаяся под их влиянием практика, а также отличные от сегодняшних требования к процессуальному оформлению материалов обусловили недостаточную детализацию и фиксацию в обвинительных документах субъективной стороны противоправных деяний контрреволюционной направленности. С позиций современных правоприменительных стандартов, типичная оценка материалов архивных уголовных дел по саботажу в реабилитационных решениях излагается по следующей формуле: «*В материалах дела не содержится доказательств наличия у осужденного контрреволюционного умысла и специальной цели ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата*». Однако и в реабилитационную работу может вносить свои коррективы тот факт, что полнота архивных уголовных дел не всегда соотносима с объемом доказательств, характеризующих данные и иных сведений, непосредственно изучавшихся и воспринятых в ходе следствия и судебного заседания десятилетия назад¹¹. Также неоднозначно выглядит признание конкретных деяний *не содержащими общественной опасности*¹² в контексте уже прошедшего исторического периода, вопреки легитимно закрепленному волеизъявлению законодателя соответствующей эпохи, а также иные «победы» политиков 90-х над юристами. Вместе с тем стоит отметить, что по данным решениям фигуранты признаются именно *реабилитированными* в рамках требований ст. 133–139 УПК РФ, а не потерпевшими от преступлений или иных внеправовых форм воздействия.

Как видно из анализа правоприменительной практики военного периода, сфера пресечения саботажа, в основном, относится к системе государственного управления ВПК с обеспечивающими его производствами, которые объективно явились ключевыми, системообразующими узлами для выполнения «военно-хозяйственных планов» и технического обеспечения Победы. В условиях тяжелого, порой даже критического положения на фронтах эти планы приходилось существенно корректировать, увеличивая требования соразмерно боевым потерям и растущим потребностям Красной Армии, что не оставляло места для учета реальных возможностей конкретных предприятий. В начальный период войны, когда экономическое планирование жестко зависело «от необходимого», главной задачей стал запуск механизма действенного контроля за выполнением заданий ГКО и правительства, обеспечение управляемости процессами в резко осложнившейся обстановке. Именно по этим уязвимым местам наносился удар саботажными проявлениями.

Ущерб от возможного паралича госсистемы, иные последствия преступлений указанной направленности резко увеличивали свою разрушительную силу на фоне угрозы тотального уничтожения русской цивилизации¹³. Что вызывало объективную необходимость адекватного противодействия, максимального задействования всего арсенала возможностей для эффективного обеспечения безопасности, формируя указанные особенности правоприменения как обязательного элемента механизма кризисного управления государством в военный период. Трудно дать добросовестную оценку правоприменительной практике при историческом толковании норм права, без органичного понимания причин, повлиявших на их появление в конкретной редакции, обусловленной сложнейшим характером политических, экономических, социальных и других элементов быстро меняющейся военной обстановки, а также имевшихся принципов и алгоритмов толкования и реализации конкретных правовых предписаний.

Примечания

1. Протокол заседания Совета Народных Комиссаров от 07 (20) декабря 1917 г.
2. Сталин: «*Когда ловят шпиона, негодование публики не знает границ, она требует расстрела. А когда вор орудует на глазах у всех, расхищая государственное добро, окружающая публика ограничивается добродушными смешками и похлопыванием по плечу. Между тем ясно, что вор, который расхищает народное добро и подкапывается под интересы народного хозяйства, есть тот же*

шпион и предатель, если еще не хуже» [1, с. 19]. Кто имелся в виду? Кто может быть «еще хуже» шпиона и предателя? Видимо, только враг чего-то фундаментального – самой возможности развития человека и равенства в этой возможности, объективизирующейся в народе. Нечто подобное в последствии и было закреплено в Конституции СССР (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.), ст. 131: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

3. За время Великой Отечественной войны более 16 миллионов человек награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», 198 человек удостоены звания Героя Социалистического Труда, не считая иных наград, связанных с трудовой деятельностью.

4. Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29.06.1941 г. о всесторонней помощи действующей армии; Директива НКВД от 08 августа 1941 г. об оперативно-чекистском обслуживании предприятий оборонной промышленности и др.

5. Подсчитано автором: [3, с. 203].

6. Согласно статье 58-1 УК РСФСР «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции... рабоче-крестьянских правительств... или к подрыву или ослаблению внешней безопасности СССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции...».

7. Статья 72 УК РСФСР – подделка документов наказывалась лишением свободы на срок до трех лет или исправительно-трудовыми работами на срок до одного года. Использование – лишением свободы или работами на срок до шести месяцев или штрафом до ста рублей.

8. Постановление Пленума ВС СССР от 10.06.1939.

9. Записки из подполья. 1864 г. Достоевский Ф.М.

10. «Если кто-либо совершает действие, сознавая его характер, это значит, что он желает совершить это действие. Если кто-либо не желает, чтобы его действие имело известный сознаваемый характер, он не совершает этого действия. Возможность совершения человеком действия, характер которого он сознает, но не «желает» (например, «сознательно допускает») исключается как по логике вещей, так и психологически» [8, с. 115].

11. О.Б. Мазохин: «И вот что интересно: реабилитация проходила после того, как были уничтожены дела-формуляры (дела агентов) с доказательствами по делу... Получилось так, что сначала уничтожили доказательства по делу, а затем занялись реабилитацией» [9, с. 16]. Следует отметить, что, по мнению О.Б. Мазохина, это является простым совпадением.

12. Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-I «О реабилитации жертв политических репрессий», статья 5.

13. Мрачная перспектива существования населения на оккупированных территориях, вернее, гарантированное его отсутствие, изложено в планах «Ост», «Ольденбург» («зеленая папка Геринга»), «план Бакке», он же «План голода», рассчитанный на 30 лет. Документальные подтверждения систематизированы в: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. – М., Юридическая литература, 1987–1999; Заставенко Г. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). (Изд. 2-е, доп.). М.: Политическая литература, 1968. С. 383.

Список литературы

1. Сталин И.В. О хозяйственном положении СССР. 1926. М.: Партиздат.

2. Демидов А.М. Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Бишкек, 2009.

3. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. 1938–1945 // История социалистической экономики СССР. Т. 5. М.: Наука, 1978. С. 203.

4. Голяков И.Т. Предисловие председателя ВС СССР к комментарию к УК РСФСР // Юридическое издательство НКЮ СССР. 2-е изд. М., 1944. С. 4.

5. Демидов А.М. Деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах). Бишкек: КРСУ, 2008. С. 374.

6. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012. С. 157.

7. Доказывание направленности умысла виновного по делам об умышленных убийствах (методические рекомендации). Прокуратура СССР. Институт усовершенствования следственных работников. Ленинград, 1988. С. 4–5.

8. Никифоров Б.С. Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Советское государство и право. 1971. № 3. С. 115.

9. Мазохин О.Б. Статистические сведения о деятельности органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ (1918–1953 гг.). М.: ТД «Алгоритм», 2016. 448 с.

**FIGHTING SABOTAGE AS A WAY OF ENSURING THE DEVELOPMENT
OF INDUSTRIAL PRODUCTION OF THE USSR DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR. SPECIFIC FEATURES OF CLASSIFICATION.**

M.A. Demidov

Using the example of state security, the author examines the historical origins of the term «sabotage», the conditions for its emergence and application in the work of the Soviet judicial system. The article presents an analysis of the peculiarities of the fight against sabotage during the Great Patriotic War and shows the effect of this struggle for increasing labor productivity in the industry and for improving state security. Based on the synchronic and retrospective methods, criminal legislation and law enforcement practices of the Soviet state security agencies in war conditions are investigated. Having examined the period's legislation concerning sabotage, the author comes to the conclusion that the state system in the conditions of the war crisis reasonably enhanced protection of economic facilities and management systems. The criteria for qualification of illegal actions in the economic sphere as counter-revolutionary sabotage are also considered. At the same time, an attempt is made to identify the relationship between the specific features of criminal law and theory in the USSR and decisions on rehabilitation within the existing legal framework.

Keywords: Great Patriotic War, sabotage, public administration, economic crisis, counter-revolutionary crimes, state security bodies.

References

1. Stalin I.V. O hozyajstvennom polozhenii SSSR. 1926. M.: Partizdat.
2. Demidov A.M. Deyatel'nost' territorial'nyh organov gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v sfere voennoj ehkonomiki. 1941–1945 gg.: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Bishkek, 2009.
3. Sovetskaya ehkonomika nakanune i v period Velikoj Otechestvennoj vojny. 1938–1945 // Istoriya socialisticheskoy ehkonomiki SSSR. T. 5. M.: Nauka, 1978. S. 203.
4. Golyakov I.T. Predislovie predsedatelya VS SSSR k kommentariyu k UK RSFSR // Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR. 2-e izd. M., 1944. S. 4.
5. Demidov A.M. Deyatel'nost' territorial'nyh organov gosbezopasnosti SSSR v sfere voennoj ehkonomiki. 1941–1945 gg. (na arhivnyh materialah). Bishkek: KRSU, 2008. S. 374.
6. D'yakov S.V. Prestupleniya protiv osnov konstitucionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: ugolovnopravovoe i kriminologicheskoe issledovanie. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Yuridicheskij centr-Press, 2012. S. 157.
7. Dokazyvanie napravlenosti umysla vinovnogo po delam ob umyslennyh ubijstvah (metodicheskie rekomendacii). Prokuratura SSSR. Institut usovershenstvovaniya sledstvennyh rabotnikov. Leningrad, 1988. S. 4–5.
8. Nikiforov B.S. Sub"ektivnaya storona v «formal'nyh» prestupleniyah // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1971. № 3. S. 115.
9. Mazohin O.B. Statisticheskie svedeniya o deyatelnosti organov VChK-OGPU-NKVD-MGB (1918–1953 gg.). M.: TD «Algoritm», 2016. 448 s.